

Секция «История»

Зачем стране история? Средневековая Норвегия в контексте всемирной истории, или об исторической культуре одного норвежского монаха

Агишев Сергей Юрьевич

Кандидат наук

Московский Педагогический Государственный Университет, Исторический факультет, Москва, Россия

E-mail: agisjev@mail.ru

Для российской публики слова “древняя скандинавская литература” прежде всего связаны с сагами. Наряду с ними нельзя не вспомнить также имеющие неизменный интерес у любителей истории и литературы стихи скальдов. Существование саг и скальдической поэзии в разных формах, устной или письменной, соотношение этих форм между собой является сложной проблемой, порой по-разному решаемой в отношении отдельных произведений. Наряду с устными памятниками в Скандинавии второй половины XI в. начинает появляться собственно литература. Для Норвегии одним из первых таких сочинений стала написанная на латинском языке «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха (Theodoricus Monachus. *Historia de antiquitate regum Norwagiensium*; далее – «История» Теодорика)¹, появившаяся в 70–80-е гг. XII в. Она представляет собой развернутый перечень правлений норвежских конунгов и королей из первой исторической династии и содержит краткие характеристики их самих, а также упоминания о наиболее важных биографических и политических событиях, начиная с Харальда Прекрасноволосого (ок. 872 – ок. 933) и заканчивая Сигурдом Крестоносцем (1103–1130). Они перемежаются с морально-дидактическими отступлениями и экскурсами в священную, античную и раннесредневековую историю.

Проблема профессиональной идентичности и мотивов, которые приводят к занятию специальными историческими штудиями, оказывается актуальной не только для историков прошлого, но и для тех, кто посвящает себя этому неоднозначно оцениваемому в обществе труду и в наши дни. Изучение «Истории» Теодорика также поднимает проблему актуализации исторического знания, интереса к постижению прошлого, восстановления, понимания и толкования фактов, добытых историком из источников. Помимо конкретно-исторических задач автор средневековой норвежской «Истории», пытаясь осмыслить предмет, которым он занимается, обращался также к вопросам историологии, историософии, историографии².

Сам Теодорик, столкнувшись с отсутствием в Норвегии собственных исторических сочинений, ориентируется на известную ему традицию и историческую культуру других стран, в том числе и Исландии, где историописание начало свое устойчивое развитие несколько ранее³. Сожаления, по мнению Теодорика, заслуживает отсутствие у самих норвежцев усердия в сохранении своей исторической памяти. Теодориком двигало желание написать в жанре истории такое сочинение, которое, по его представлениям, должно быть у каждого христианского народа, и какового норвежцы пока еще не имели. Тем самым они еще как бы и не являлись вполне цивилизованным обществом. И это при том, что деяния предков самих норвежцев уже были отмечены в исторических сочинениях, созданных европейскими авторами, которых Теодорик называет в своем труде, в частности, у Ричарда Сен-Викторского и Сигиберта из Жамблу. Упоминания

о предках норвежцев, попадая на страницы европейских хроник, включали весь этот народ в мировую историю, поскольку он, будучи упомянут рядом с “историческими народами”, сами в некоторой степени становился таковым.

Одновременно методы Теодорика обнаруживают в нем не только осторожного, но и очень честного историка. Во-первых, автор «Истории» подчеркнуто и последовательно отказывается от того, чтобы настаивать на той или иной дате, подлинности или трактовке определенного события, о которых сохранились противоречивые сведения и знания о которых не могут быть восстановлены полностью достоверно. В частности, это касается времени и места крещения Олава Святого, а также даты смерти этого норвежского короля. Во-вторых, Теодорик прибегает к сравнениям, которые наделяли бы его соплеменников и главных персонажей норвежского прошлого теми же качествами, стремлениями и характеристиками, которыми обладали действующие лица и народы библейской, античной и раннесредневековой истории. Например, такие политические соперники, как Олав сын Трюггви и ярл Хакон, уподобляются автором «Истории» римским императорам Иовиану и Юлиану Отступнику соответственно. В-третьих, особой чертой историописания Теодорика становится перевод событий и актуальных проблем современного ему общества, так сказать, в исторический код⁴. К таким проблемам, волнующим автора «Истории», относится нарушение социального мира и развязывание в обществе гражданской войны, которая характеризуется автором «Истории» как поток “... преступлений, убийств, лжесвидетельств, отцеубийств, осквернения святых мест, презрения к богу, а также ограблений духовенства и всего народа, похищения женщин и прочих мерзости, каковые долго перечислять”. Причиной гражданских войн, составивших целую эпоху норвежской средневековой истории (1130–1240), становится нарушение общественного порядка и тех взаимосвязей, которые должны существовать между светской властью и церковью, королем и его подданными, прежде всего знатью, а также нравственное несоответствие правителей своему высокому общественному рангу. Согласно Теодорику, правят не люди, а те качества, которые составляют их натуру. Кроме того, эти качества часто переходят по наследству, становясь причиной того, что история может повториться на новом этапе. Так, например, норвежские короли, дед и внук, Харальд Суровый Правитель и Магнус Голоногий, соответственно, – люди одного характера и сходной судьбы: время их правления беспокойное, нрав их агрессивен, оба воинственны и погибли в чужих землях.

В связи с этим видится, что целью Теодорика было не только создание первой в Норвегии письменной истории, о чем он говорит в прологе к своему сочинению. Перед нами правоучительный памфлет равнодушного современника событий, которые он сам отказывается описывать и комментировать, но которые постоянно беспокоят его. Помимо необходимости решить проблему отсутствия у его народа собственной истории, Теодорик считает своим долгом обратить внимание на столь же актуальную проблему внутреннего единства страны и прочного мира, коих следует добиваться любыми достойными методами, чтобы избежать главной опасности – гражданской войны, всюду полыхавшей в годы создания Теодориком его «Истории». Этим страхом Теодорик наделяет и своих героев. Отсюда и такое пристрастие к Лукану, в «Фарсалии» которого Теодорик находит красочные примеры и параллели тому, что происходит в современной ему Норвегии⁵. «История» Теодорика – это взгляд идеалиста, но честного человека и честного историка, рассуждающего и над историческим прецедентом, и над потреб-

ностями современного ему общества. Поэтому Теодорик умудряется, по крайней мере, казаться беспартийным, и тем самым символизирует многих, кто был утомлен злодеяниями гражданской войны и жаждал прочного внутреннего мира.

Таким образом, развитие исторического знания становится явным признаком не только формирования самосознания, но и появления того или иного народа в качестве особого социального организма, даже если прочие виды общественных связей нельзя назвать до конца сформировавшимися. Подобная характеристика этих связей весьма подходит к норвежскому средневековому обществу XII в., значительно разобщенному как в территориальном, так и в политическом, а также и в социальном отношении. Появление исторических сочинений актуализировало интерес к современности, к тем социальным проблемам, которые имели свои корни в прошлом. Интересно отражение Теодориком причинно-следственных связей. Для него история состоит из событий, людей и их действий, которые следует классифицировать не по пространственно-временному принципу, не по их непосредственной взаимосвязи и влиянию друг на друга, а по тому внутреннему значению, который заключает в себе тот или иной поступок или процесс. Тем самым, абсолютно не связанные между собой персонажи и их действия, относящиеся к разным народам, эпохам и историческим традициям, часто оказываются явлениями одного порядка, имеющими одну природу, а значит, и предназначение. В этом можно усмотреть странный историзм средневекового историописания. С одной стороны, обнаруживается повышенное внимание к хронологии и вычислениям дат, что, казалось, бы должно создавать представление об отдаленности тех или иных событий от времени самого автора и, следовательно, вести к признанию независимости прошлого, его феноменологичности. С другой, проявляется полное ощущение генетической связи себя и персонажей местной истории с эпохами и героями, с которыми в действительности никакой реальной взаимосвязи не существует. Конечно, подобное историческое сознание покоится на внутреннем единстве и осознании единого направления вектора истории, которые принесло с собой христианство. Но история для Теодорика имеет значение не сама по себе, а лишь в ее моральном измерении.

Литература

1. Theodoricus Monachus. Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta Historica Norvegi?: Latinske kildeskriver til Norges historie i middelalderen / Utg. G. Storm. Kr., 1880. S. 1–68.
2. Bagge S. Theodoricus Monachus – clerical historiography in twelfth-century Norway // Scandinavian Journal of History. Vol. 14-3. 1989. P. 113–133; Bagge S. Da boken kom til Norge. Oslo, 2001.
3. Ellehoj S. Studier over den ?ldste norrone historieskrivning. Kbh., 1965.
4. О применении подобного метода в сагах см. Циммерлинг А. В. Имена норвежских лендрманнов по «Кругу Земному» и «Саге о Хаконе Старом» // Именослов. Историческая семантика имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 36–75.
5. О сочинениях, которые послужили Теодорику возможными источниками см. Johnsen A. O. Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum Norwagiensium //

Avhandlingar utg. av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Historisk-Filosofiske Klasse. № 3. Oslo, 1939. S. 29–60.

6. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее Средневековье: проблемы социального строя и культуры. М., 1977.